

Сатира первая

Сатира русских поэтов первой половины XIX в.: Антология
М., "Советская Россия", 1984. (Школьная б-ка).

Мольер! Твой дар, ни с чьим на свете не сравненный,
В отчаянье меня приводит всякий раз,
Как, страстью сочинять, к несчастью, ослепленный,
Я за тобой хочу взобратся на Парнас.
Комедию пишу, тружусь, соображаю,
По правилам твоим мой план располагаю,
Характер, драмы ход, развязку, разговор -
Все, все обдумаю и сам собой доволен:
Мне кажется, мой слог приятен, чист и волен,
Смешного множество, прелестный шуток сбор,
И, словом, все в моей комедии мне мило.
Но на столе моем, как будто на беду,
Нечаянно твои творения найду,
Невольню разверну, прочту, вздохну уныло,
Новорожденное дитя мое беру,
Бешусь, кляню его и в лоскутки деру.
Так, ты один, Мольер, без злобы и без шутства,
Смеясь над людьми, умел людей смешить!
Твой быстрый взгляд проник в умы, в сердца и в
чувства,
Чтоб, забавляя нас, нас разуму учить.
Твой дар божественный дал душу, жизнь и силу
Искусству Талии; ты тайны в нем открыл,
Которых до тебя никто не находил.
Но ты ж, к беде моей, их взял с собой в могилу.
Проснись, Мольер! Восстань и ум мой просвети,
Скажи, как мне писать? Мой дух горит желаньем
Полезным сделаться порока осмеяньем.
Хочу я чудаков на разум навести.
Что делать? - Не могу я видеть без досады
Пороки, слабости и странности людей!
Одни довольны всем, всему на свете рады.
Несчастье гнетет их ближних и друзей,
Беды со всех сторон, родные их в обиде,
В гонепьи, в гибели, да им в том нужды нет -
Но трогай их одних; гори огнем весь свет -
Им это фейерверк, в большом лишь только гиде.
Другие все брапят, все в свете не по ним,
Что хочешь делай ты, ничто им не в угоду,
Сердиты на мороз, на жаркую погоду,
Изволят гневаться на малых, на больших,
Нет спуску никому, друзья и супостаты,
И мертвый, и живой, и умный, и глупец,
Коль к речи им придут, разруганы вконец,
И, словом, без вины у них все виноваты.
Мне скажут, пусть их врут, какая в том беда?

Все знают, что они за то на свет озлились,
Что сами ни к чему на свете не годились.
Согласен, не было б в их болтовне вреда,
Когда бы люди все о всем судили сами
И не ленились бы своими жить умами,
Иль если б родились глупцы без языка;
А то, к несчастью, что зависть вымышляет,
То леность слушает, а глупость разглашает.
Увидев вестовщик меня издалека,
Спешит, бежит ко мне и машет мне руками,
Кричит, толкает всех, боится опоздать.
Бедняк! задохся он, пот льет с него ручьями!
А для чего? – Чтоб ложь чужую перелгать.
Он по три четверни переменяет в сутки,
Чтоб побывать везде, наслушаться вестей
И к вечеру, собрав чужие толки, шутки,
Их выдать за свои между своих гостей.
Имея пылкий ум, рассказа он чужого,
Как эхо, как скворец, не любит повторять,
Услышит слова два – прибавит к ним три слова,
А в добрый час и сплошь изволит сочинять.
Вот мой сосед идет. С готовою улыбкой
Для всех, кто встретится немного познатней,
Как кланяется им, какой хребет прегибкий!
Спина его совсем как будто без костей!
Он знатным рад служить и честью и душою,
Все хвалит, такает, лишь только б угодить
Тому, кто иногда изволит брать с собою
Его по улицам от скуки походить
И на вечер в свой дом изредка приглашает.
А в нем весь свет большой за картами сидит,
Или под музыку охотничью зевает,
Иль в вальсе бешеном себя как вихрь кружит.
Хоть карт наш такальщик не брал ни разу в руки,
Не любит музыки, для танцев не рожден,
Но, радуясь, что в дом презнатный приглашен,
Он нюхает табак, чтоб не уснуть от скуки...
И счастлив!.. но едва ль не счастливей его,
Там шпорами бренча, хват такту бьет ногою!
Затянут, вытянут, любуясь собою,
Кобенясь, ни во что не ставит никого,
Лишь дай здоровья бог его четверке чалой,
Тарасу кучеру да пристяжной удалой,
А в прочем дела нет ему ни до чего.
Близ хвата фронт сидит, с премодным воспитаньем,
С ухваткой дамскою, с сорочьим щебетаньем,
Головку искривя, так нежен, так уныл,
И молча говорит: смотрите, как я мил! –
Как милым и не быть? легко ли? три аббата
На разных языках учили молодца
И, выпуская в свет, уверили отца,
Что редкость сын его, что в нем ума палата.
И правда! затвердил он имена всех книг.

Парижский двор, театр он вам опишет вмиг,
Хотя не ведает, кто был Ермак, Пожарский,
Олег и Ярослав. Да и не хочет знать:
Их шутки никакой нельзя пересказать -
Они же русские, а он - сынок боярский.
Кто может описать всех наших чудаков?
Чья муза от труда такого не устанет?
И как ни плодовит, как ни живуч Вралев,
А даже и его на это не достанет.
Их столько развелось - за наши все грехи, -
Заморских и своих, что тесно жить приходится,
И всяк из них на свой обычай колобродит.
Один ударился писать на все стихи
И душит ими всех, хоть грамоты не знает.
Другой политик стал, мудрит и рассуждает,
В очках, нахмуря бровь, над картою сидит
И, будто как на смех, впопад не скажет слова.
Тот захозяйничал и в деревнях мудрит:
Из иностранных книг и с образца чужого
Без толку, без пути он сеет русский хлеб;
Да на чужой манер хлеб русский не родится.
Иной, забыв, что он и стар и чуть не слеп,
Задумал всех пленять и в щегольство пуститься.
А этот выдает себя за мудреца,
Всклокотил голову, в чернилах замарался,
Хоть много книг прочел, ума не начитался.
Всем странностям людским нет счету, ни конца!
И я, смотря на них, сержусь, бешусь всечасно;
Хочу исправить всех, пороки осмеять;
Начну комедию, но, ах! тружусь напрасно,
Умею чувствовать, но не могу писать.
Почто, Мольер, почто в наш век ты не родился?
Здесь твоему перу труда довольно есть.
Или когда б со мной умом ты поделился,
Я б пользу сделал всем, себе - бессмертну честь.

1807

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХОВСКОЙ (1777-1831)

Шаховской - автор многочисленных комедий в стихах, популярнейший драматург начала XIX века, театральный деятель. Его живые, очень сценичные комедии были предшественницами "Горя от ума" Грибоедова. Родился он в Смоленской губернии в небогатой семье, мальчиком был записан в военную службу. Первую пьесу написал в 1795 году. С 1802-го он служит в Дирекции петербургских театров. Комедии его начали ставиться с 1804 года. Его излюбленными темами стали - насмешки над преклонением перед всем иностранным, лицемерием и ложной чувствительностью. С этого же времени он

втянулся в литературную борьбу ранних романтиков с архаистами (последователей Карамзина с окружением Шишкова), что особенно ярко отразилось в его пьесах "Новый Стерн" и "Липецкие воды", наделавших много шума. Он писал также трагедии, водевили, оперы, стихотворные сатиры. Много переводил, переделывал, инсценировал. С течением времени Шаховской всё более сходилась с Жуковским, Пушкиным, Вяземским. Пушкин, в молодости нападавший в эпиграммах на Шаховского, впоследствии подружился с ним и признал его талант: "Там вывел колкий Шаховской Своих комедий шумный рой", - напишет он в "Евгении Онегине".

Сатира первая. С. П. Жихарев указывает в своих записках, что в этой сатире "Шаховской очень живо очертил несколько оригиналов современного общества... Крылов утверждает, что портреты очень сходны".